

УДК 14 + 304.2
DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.11
EDN IZJDHN

Научная статья

ПРОБЛЕМА МНОГОМЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

THE PROBLEM OF MULTIDIMENSIONAL PERSONAL IDENTITY IN POSTMODERN SOCIETY

И. В. Ковтуненко*

ORCID: 0000-0002-9559-6227

И. А. Кудряшов*

ORCID: 0000-0001-5449-864X

Ю. Б. Бондаренко**

*Inna V. Kovtunenko**

*Igor A. Kudryashov**

*Yuriy B. Bondarenko***

* Южный федеральный университет

** Донской государственный технический

университет,

Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University

** Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования состоит в рассмотрении постмодернистских тенденций в процессе конструирования личности индивидом, принадлежащим к социуму эпохи постмодерна, на материале романа Ч. Паланика «Бойцовский клуб».

Методологическую базу исследования составляют психоаналитический и гендерный подходы к явлениям культуры как сосредоточения травмирующих процессов идентификации индивидом своего «Я», а также положения концепции З. Фрейда о вытеснении и «жутком», постмодернистской теории о бинарной оппозиции «активность – пассивность».

Результаты исследования. В формате философии культуры, доминирующей в обществе в конкретный период, всегда обнаруживаются травмирующие опасения, связанные с конструированием индивидом своей идентичности. В статье эта проблема многомер-

Objective of the study is to consider postmodern trends in the process of personality construction by an individual belonging to postmodern society, based on the material of the novel by Ch. Palahniuk “Fight Club”.

The methodological basis of the study consists of psychoanalytic and gender approaches to cultural phenomena as a concentration of traumatic processes of identification by an individual of his / her *Self*, as well as the provisions of the concept of Z. Freud’s theory of repression and the “supernatural”, the postmodern theory of the binary opposition “activity – passivity”.

Results of the study. In the format of the philosophy of culture that dominates society in a particular period, traumatic fears associated with the construction of an individual’s identity are always revealed. This problem is traced multidimensional on the material of the novel

© Ковтуненко И. В., 2025

© Кудряшов И. А., 2025

© Бондаренко Ю. Б., 2025

но прослеживается на материале романа «Бойцовский клуб» Ч. Паланика, в котором исчерпывающе выявляется вся психологическая палитра кризисного состояния идентичности рассказчика, являющегося ярким представителем социума постмодерна. На материале данного текста в исследовании анализируются культурно-философские паттерны, которые проявляются в повествовании рассказчика о своем экзистенциальном кризисе, обостряющемся по мере того, как у него развивается чувство социальной неполноценности, растет неудовлетворенность своей нынешней идентичностью. Установлено, что эта неудовлетворенность приводит к тому, что рассказчик: 1) присоединяется к контркультурному движению, чтобы принять гиперболизированную форму своей социально предписанной гендерной роли, что приводит к ложному ощущению искусственной зрелости своей личности; 2) прибегает к коммуникативному взаимодействию с персонажами женского пола не для формирования романтической привязанности, а в силу скрытых психологически деструктивных мотивов; 3) принимает на себя, по крайней мере, частичную ответственность за смерть индивида, который воспринимается как обладающий «целостной», но противоречивой идентичностью.

Перспективы исследования. Проблема осмыслиения психологической и гендерной идентичности индивида в эпоху постмодерна представляет особый научный интерес в связи с необходимостью анализа культурно-философских паттернов фрагментации личности, которая предопределяется травмирующими предписаниями, доминирующими в социальной идеологии общества потребления.

Ключевые слова: постмодернизм, идентичность личности, гендерные бинарные категории, травма, культура общества потребления

“Fight Club” by Ch. Palahniuk. In the novel the entire psychological palette of the identity crisis of the narrator, who is a prominent representative of the postmodern society, is exhaustively revealed. Based on the material of this text, the study analyzes cultural and philosophical patterns that manifest themselves in the narrator’s narrative about his existential crisis, which worsens as he develops a sense of social inferiority and dissatisfaction with his current identity grows. It is established that this dissatisfaction leads to the fact that the narrator: 1) joins the countercultural movement in order to assume an exaggerated form of his socially prescribed gender role, which leads to a false sense of artificial maturity of his personality; 2) chooses communicative interaction with female characters not for romantic attachment, but due to hidden psychologically destructive motives; 3) assumes at least partial the responsibility for the death of an individual who is perceived as having a “holistic” but contradictory identity.

Prospects of the study. The problem of understanding the psychological and gender identity of an individual in the postmodern era is of particular scientific interest due to the need to analyze cultural and philosophical patterns of personality fragmentation, which is predetermined by traumatic prescriptions dominating the social ideology of consumer society.

Keywords: postmodernism, personal identity, gender binary categories, trauma, consumer society culture

Введение

В романе «Бойцовский клуб» Ч. Паланика рассказчик переживает острый экзистенциальный кризис, поскольку начинает осознавать себя ущербной личностью. Его идентичность разрушается вследствие деструктивного воздействия доминирующей культурно-философской идеологии, которая отдает предпочтение строго определенному набору гендерных бинарных категорий. Наряду с признанием своей раздробленной идентичности, рассказчик пытается уничтожить более слабую из бинарных систем, а не безоговорочно принять одновременно обе эти системы. Из-за предполагаемой фрагментации своей личности рассказчик присоединяется к контркультурному движению, чтобы начать процесс радикального воссоздания самого себя. В рамках этого движения культурно-философским предписаниям, доминирующими в социуме, отводится маргинальная позиция, что наделяет рассказчика искусственным ощущением полноценности и экзистенциональной зрелости. Участие в таком движении оказывается обманчиво очищающей деятельностью: рассказчику дается ложная надежда на то, что он в действительности расширяет возможности более сильного из своих «двойников» и, таким образом, меняет «старую» идентичность на «новую» тождественность с социальной общностью. Любопытно, что рассказчик также пытается наладить дружеские отношения с гипермаскулинным смертельно больным персонажем. Неспособность принять двойственность своей личности препятствует возникновению у рассказчика романтических отношений с противоположным полом. Испытывая привязанность к представительнице женского пола, он, в конечном счете, удаляется от этих отношений. Отвергая то, что предопределено как культурно-философские приемлемые конвенции, рассказчик в ходе проектирования своей идентичности демонстрирует способность к игнорированию этих предписаний, оказывается не в состоянии отказаться от имманентной предрасположенности к фрагментированному состоянию своей личности.

Сюжет романа также включает в себя образы других персонажей с «объединенными» и противоречивыми идентичностями, которые выходят за рамки традиционных бинарных границ, что, в свою очередь, еще больше угрожает кризисному состоянию рассказчика. Сама эта трансцендентность, по-видимому, разрушает «усиливающуюся» целостную идентичность рассказчика. К его колебаниям и экзистенциальной тревоге добавляется тот факт, что окружающие его персонажи способны достичь такой трансцендентности. Смерть одного из этих персонажей неявно фиксирует болезненную попытку рассказчика избавиться от экзистенциального беспокойства по поводу того, что чьято социальная идентичность одновременно может быть как противоречивой, так и целостной.

Повествование начинается с момента текущего существования рассказчика, который также вспоминает события, предопределившие многомерность его

«Я». В заключительной главе воспоминания о прошлом вклиниваются в текущий момент повествования, финальные суждения рассказчика, фактически, нейтрализуют основное смысловое содержание текста. Тривиальные элементы в явном содержании «расставающихся» «Я» рассказчика вызывают искажение повествовательного смысла, являются проявлением ментальной цензуры той информации, которая излагалась до этого «слабым» «Я», фрейдистского вытеснения, отстранения от внутриличностных перманентных конфликтов.

Методологическая база исследования (теоретические основы)

Экзистенциальные тревоги, испытываемые рассказчиком в романе «Бойцовский клуб», становятся очевидными при анализе корреляции между культурно предопределенной маскулинностью и психоаналитическим проектированием личностной идентичности с опорой на концепцию З. Фрейда о «жутком». Развиваясь из «инфантального желания», «жуткое» вызывает стрессовую ситуацию, когда:

- 1) индивид одновременно придерживается конфликтующих идеологических возврений;
- 2) то, что некогда было известно в детстве, в настоящий момент подавляется доминирующей идеологией (Фрейд, 1995. С. 266–268).

Австрийский психоаналитик прослеживает этимологический подтекст дихотомии «heimlich» («домашнее») – «unheimlich» («жуткое»), приходит к выводу, что эти понятия скорее являются синонимами, нежели выявляют контрастное противопоставление. Причем «unheimlich» фиксирует вытесненное. В попытке обеспечить свое «бессмертие» ребенок порождает множество «Я», которое побуждает принять противоречивые идеи об окружающем мире. По мере того, как индивид вырастает, наблюдается вытеснение множественных «Я». Напоминания о прежних Я вызывают травмирующие чувства тревоги и испуга. Термины «heimlich» и «unheimlich» начинают функционировать как бинарные противоположности (более подробный анализ рассматриваемых категорий на разнообразном практическом материале см. в сборнике исследований «On Freud's "the Uncanny"», изданном Международной психоаналитической ассоциацией (On Freud's the Uncanny, 2020)).

Структурируя язык индивида и его субъективное восприятие окружающего мира, эти противоположности формируют теоретические отношения, которые фиксируются посредством категорий отрицания и противопоставления. Внутри каждого набора бинарных противоположностей одна реляционная концепция всегда привилегированна, другая – подавлена. Философы, психологи и лингвисты утверждают, что процесс мышления индивида функционирует преимущественно через бинарные иерархические оппозиции (Воронина, 2019; Маланов, 2004, 2023; Шафиков, 2019).

Изучение взаимоотношений между бинарными противоположностями свидетельствует, что индивид всегда отдает предпочтение одной бинарной

составляющей перед другой: доминирующая культурно-философская идеология возводится в ранг поведенческого стандарта, противоположная же сущность рассматривается как маргинальная личностная характеристика. Преобладающая идеология отдает предпочтение мужчине и активности, женщина и пассивность – маргинальные сущности. Мужчина является либо активным субъектом, либо он не существует для общества (Ласкова и др., 2016. С. 47–52).

Исследователи творчества Ч. Паланика сосредоточиваются, в том числе, на откровенных нападках автора на современную философию потребления, его экзистенциальных тревогах по поводу утраченной маскулинности. В некоторых исследованиях подчеркивается предопределенность этих феноменов (Ковтуненко, Кудряшов, 2022; Лазарев, Ларина, 2022). В данной статье эти критические замечания применяются для дальнейшей детализации модели личности, которая возникает в результате кризиса идентичности. «Бойцовский клуб» начинается с того, что анонимный рассказчик критикует культурно-философскую природу своего существования.

Результаты

Неспособный восстать против общества, очарованного потребительской культурой и охваченного психологической безличностью, рассказчик романа «Бойцовский клуб» выплескивает свой гнев, выступая в роли «случайного посетителя» в многочисленных группах поддержки. Подсознательно неудовлетворенный тем, кем он стал, ощущая беспомощность в целостном воссоздании самого себя, Тайлер Дерден появляется словно по мановению волшебной палочки и «спасает» рассказчика. Бойцовские клубы – посредством актов агрессивного насилия – позволяют мужчинам проявлять то, что воспринимается как маскулинность, эволюционируют в субкультурное движение, философия которого заключается в том, чтобы спасти мир от человеческой расы. В конце концов, рассказчик приходит к осознанию, что он и Тайлер – это одно и то же лицо, причем Тайлер является девиантной личностью. Среда бойцовского клуба разоблачает «погружение» личности в безумие в попытке воссоздать не только себя, но и весь мир.

Экзистенциальная травма, переживаемая рассказчиком при создании новой идентичности, откладывает отпечаток на поверхностную структуру повествования. В основе акта порождения текста закладывается психологический механизм преодоления травмированным осознанием «жуткого» и испытываемой фрагментации личности. Рассказчик повествует с точки зрения жертвы, хотя можно утверждать, что он в такой же степени является губителем. Неспособность взять на себя ответственность за убийство Тайлера подтверждает бессилие рассказчика в принятии двойственности своей натуры. Тайлер – сверхъестественное проявление экзистенциальной тревоги рассказчика из-за присущей ему ущербности и неполноценности. Хотя Тайлер

является воплощением исполнения желаний рассказчика, существование между ними невозможно. Сразу же после знакомства с Тайлером рассказчик идентифицирует себя с ним, определяя «слабости» своей натуры, что существенно усиливает негативно сконструированную и неполноценную идентичность. Тайлер – это все, чем стремится быть рассказчик. В момент угроз боссу страховой компании в сознании рассказчика всплывает «жуткое», слова Тайлера просачиваются в его сознание.

Непоследовательные и несовместимые акты повествования рассказчика параллельны его противоречивому «Я». Как координатор страховой компании, он выполняет заурядную задачу по сведению человеческой жизни к математическому уравнению, что является принижением его индивидуальной идентичности. Борясь с удручающим реализмом, являющимся ненавистным проявлением сферы статистики, рассказчик надевает на себя маску Тайлера, разыгрывает бойцовские клубы, разрабатывая проект «Разгром», одновременно переживает экзистенциальный кризис, поскольку начинает осознавать себя пассивным представителем общества.

Идентифицируя себя с «поколением мужчин, воспитанных женщинами» (Паланик, 2005. С. 52), рассказчик возлагает вину на свое материнское воспитание, проецирует на себя феминизированную, а значит, пассивную идентичность, берет на себя ответственность за свои тревоги, обвиняя материнское влияние и культуру потребления. Он считает, что люди становятся самодовольными в повседневной рутине. С точки зрения идеологической бинарности, те, кто проходит обучение в бойцовском клубе, играют роль феминизированных и пассивных субъектов.

Обсуждение

В ходе трансформации ущербного «Я» в проекцию личностных характеристик на окружающую реальность рассказчик раскрывает планы «взорвать мир, освободив его от истории» (Паланик, 2005. С. 119). Идентичность оказывается своего рода проекцией субъективной индивидуальности на окружающий мир. Однако при отсутствии удовлетворенности от реализуемой экзистенциональной проблемы, целостной эпистемической позиции, плодотворной для развития общества, оказывается, что проецировать практически совсем нечего, за исключением все той же ущербности.

Рассказчик также идентифицирует личностное «Я» в соответствии с накопленным имуществом, определяет себя в качестве идеального самодовольного потребителя: «Мой дом – это квартира на пятнадцатом этаже кондоминиума, расположенного в многоквартирном доме, напоминающем ... стеллаж для пожилых вдов и молодых профессионалов» (Паланик, 2005. С. 36). Он одержим стяжательством, рассматривает имущество в зеркально противоположном ракурсе: «И вот ты стал пленником своего уютного гнездышка и вещи, хозяином которых ты никогда был, становятся твоими хозяевами» (Па-

ланик, 2005. С. 40). Рассказчик распознает свое «Я» в терминах статистики, проецируя личностные интернализованные проявления на все человечество: «Все мои знакомые, которые раньше сидели в туалете с порнографическим журналом в руках, теперь сидят с каталогом фирмы “ИКЕА”» (Паланик, 2005. С. 39). Смещение массового внимания с вульгарного контента на потребительские каталоги демонстрирует радикальное изменение ценностных ориентаций социума. Желание утолить плотские потребности заменяется принуждением приобрести ненужные предметы. Потребительство обязывает к пассивности и приводит к феминизации культуры. Индивиды идентифицируют себя в терминах накопленного имущества. Рассказчик сетует, что идентичности подобны «...дому, полному приправ, и никакой настоящей еды» (Паланик, 2005. С. 41). Экзистенциальная тревога незначительности содержится в метафорическом суждении рассказчика о том, что в его жизни нет реальной сущности. Тайлер становится спасителем рассказчика, попавшего в ловушку беспечного и безрассудного потребления.

Как мы уже отметили, рассказчик работает координатором крупной страховой компании, которая безлично оценивает человеческую жизнь в денежном эквиваленте: «Возьмите общее количество проданных на настоящий момент автомобилей (A), умножьте на среднее количество серьезных отказов (B), а затем умножьте произведение на среднюю стоимость урегулирования иска родственников пострадавших во внесудебном порядке (C). $A \times B \times C = X$. Вот во сколько нам обойдется проблема, если мы не будем отзывать модель на доработку. Если X превышает стоимость доработки, то мы производим доработку, и аварий больше не бывает. Если X меньше, чем стоимость доработки, то мы доработку не производим» (Паланик, 2005. С. 26–27).

Расчетливая потребительская логика дегуманизирует и сводит монотонную человеческую жизнь (как и бытие рассказчика) к статистическим данным. В бесконечных служебных поездках проявляется эмоциональное беспокойство рассказчика: «...садясь в самолет, я мечтал о том, чтобы он упал» (Паланик, 2005. С. 165), что является очевидным признаком глубинного желания чего-то, что могло бы вырвать субъекта повествования из мирской рутины. Рассказчик сопоставляет недосыпание и нарколепсию, что, в свою очередь, порождает бинарность бессонницы и сна. Отдавая предпочтение сну, рассказчик ищет убежища от бессонницы в нарколепсии. Однако присвоенное рассказчику значение в двоичном коде несовершенно, поскольку не учитывается степень контроля, которую человек имеет над любым из этих недугов. И бессонница, и нарколепсия – это состояния, которые практически не контролируются страдающим субъектом. Ошибочно оценивая бинарные значения, рассказчик задействует иррациональную логику, которая будет продолжать препятствовать его попыткам минимизировать свои тревоги. Воображаемое крушение самолета – это своего рода потенциальная мольба

о переменах, внутренняя катастрофа, которая провоцирует создание образа Тайлера в раскалывающемся сознании рассказчика.

Попытки игнорировать ограничения бинарных противоположностей вскрывают принуждение продолжать действовать в рамках существующих ограничений, поскольку отсутствует шаблон для альтернативной жизнедеятельности. Предполагая неспособность достичь целостной идентичности, рассказчик проявляет повышенную тревожность, воссоздавая свою личность с опорой на стилистический прием синекдохи. Признавая: «Я – скрежещущий зубами Джо... ухмыляющаяся месть Джо» (Паланик, 2005. С. 54, 109), рассказчик демонстрирует, что при текущем состоянии сознания он не способен посвятить себя целостному «Я», делает выбор в пользу фрагментарной идентификации своей личности. Иррациональность ощущается не только внутренне, но и проявляется во взаимоотношениях рассказчика с повседневностью. С этими проекциями рассказчик воспринимает себя как все более пассивного и бессильного индивида.

В группе поддержки онкологических больных он вспоминает об упражнении на расслабление, предназначенном для придания душевных сил больным. Но когда рассказчику предлагается вообразить животное, представляющее активную сторону бинарности, такое, которое заставляет его чувствовать контроль, он сосредоточивается на образе морской птицы, воспроизведенном в метафорических терминах: «Клои вводит нас в пещеру, где мы встречаем покровительствующих нам животных, символизирующих нашу волю. Мое животное – это пингвин» (Паланик, 2005, С. 16). Несспособность пернатого существа летать отражает иррациональность рассказчика в определении своей идентичности. Активируемый в сознании образ пингвина также свидетельствует о попытке рассказчика признать гибридность своей натуры: пингвин имеет внешность птицы и наделен способностью плавать подобно рыбе. Гиперболизируя чувство беспомощности, рассказчик фокусируется на неспособности человека контролировать смерть, которая становится для него навязчивой идеей из-за ее двуликой природы: неизбежности и неопределенности. Несспособность контролировать идентичность своей личности становится для рассказчика неразрывно связанный с понятием смерти. Пытаясь обуздить свою идентичность, он одновременно делает все возможное, чтобы контролировать смерть. Однако разрешение амбивалентности в отношении смерти невозможно. Человек может только ждать ее неожиданного прихода. В этом случае он находится во власти неизвестной уверенности или может стать причиной смерти. При выборе совершить самоубийство или убийство определенный конечный результат достигается лишь частично. Даже если активно создается идентичность как «убийца» или «самоубийца», целенаправленная деятельность в этом направлении является лишь иллюзией, поскольку единственным результатом может быть только смерть.

Рассказчик перекладывает бремя собственной пассивности на читателя, используя местоимение второго лица, чтобы создать глубинную личностную связь с аудиторией: «Это твоя жизнь, и с минуты на минуту ей придет конец» (Паланик, 2005. С. 25). Побуждая читателей примириться с неизбежным концом, он не приближается к ощущению завершенности, но заставляет отождествлять себя с его образом как с тем, кого тоже ждет подобный неизбежный конец. Это попытка подвергнуть других боли, испытываемой им же. Неоднократно напоминая читателю, что его личность является всего лишь сосредоточием статистических данных, рассказчик подчеркивает неминуемость смерти: «На достаточно длительном отрезке времени коэффициент выживаемости для всех упадет до нуля» (Паланик, 2005. С. 11). Дегенерация отводит рассказчику пассивную роль в социуме, он совершает серию саморазрушительных поступков, чтобы установить полновластный контроль над дефрагментацией своей личности. Саморазрушение является следствием осознания пассивности существования. Физическая, ментальная и эмоциональная дегенерация личности (как и смерть) оказывается неизбежным итогом в условиях современного социума. Прибегая к деструктивному поведению, индивид иллюзорно восстанавливает контроль над своим вырождением. Чтобы стать активным и мужественным членом социума, рассказчик намеренно разрушает свою личность в попытке избавиться от пассивного «Я». Он порождает в сознании образ Тайлера, чтобы исправить «погрешности» собственной личности, облегчить ущербное и надломленное «Я».

Аллюзия на роман «Долина кукол» Жаклин Сюзанн в «Бойцовском клубе» активирует ассоциативную взаимосвязь с тенденциями, связанными с дестабилизацией личности. Главные персонажи романа Ж. Сюзанн – эстрадные звезды, которые отождествляют себя с деятельностной сферой бинарности активность/пассивность. Рассказчик «Бойцовского клуба» придерживается исключительно инертной стороны этой бинарности. Вместе с тем персонажи Ж. Сюзанн и Ч. Паланика выявляют сходные жизненные обстоятельства, поскольку ими руководит самодеструктивное поведение. Получается, что вне зависимости от того, какую сферу рассматриваемой бинарной системы презентирует индивид, в социуме всегда будет проявляться тенденция к саморазрушению личности и индивидуальности.

Чтобы утвердиться в качестве активного члена общества, рассказчик «Бойцовского клуба» участвует в создании контркультурного движения, в формате которого принимает гиперболизированную гендерную роль. Идеализируя обретенную идеологию, он верит, что пробудил в себе чувство самоконтроля. В соответствии с завышенной маскулинностью рассказчик выражает оптимизм в том, что сопротивление доминирующей культуре провоцирует революцию, результатом которой станет воссоздание мира. Когда эффект от нового экзистенциального опыта спадает, становится очевидным, что контркульту-

турное движение воссоздает структуру власти в социуме, против которого восстал рассказчик, приходит осознание тщетности предпринятых действий, пассивность подтверждается. Как компенсация этого рассказчик принимает гипермаскулинный образ. В процессе уравнивания физической силы и активности насилие становится «основным языком» в романе «Бойцовский клуб».

Детально воспроизводя переход от пассивности к активности, рассказчик документирует психологический портрет набранных членов клуба: «Большинство парней вступают в бойцовский клуб из-за чего-то, с чем они слишком напуганы, чтобы бороться. После нескольких драк ты боишься намного меньше» (Паланик, 2005. С. 49). Храбрость и агрессию он относит к маскулинным проявлениям идентичности мужчин: разбитая губа или опухший глаз, полученные в бойцовском клубе, являются знаком мужества. Как только фиксируется взаимосвязь между представлениями об активности и применением физической силы, Тайлер и рассказчик подразделяют население мира на два типа людей, а именно, тех, кто: 1) поддерживает проект «Разгром»; 2) препятствует реализации этого проекта. Рассказчик объясняет: «Ты видишь паренька, что работает в копировальном бюро... Мы встречаемся каждый день, но нельзя даже и словом никому обмолвиться о том, какой он классный боец» (Паланик, 2005. С. 45), что указывает на разделение двух различных сфер: бойцовского клуба и остального мира. Бойцовский клуб становится безопасным убежищем для рассказчика, сосредоточием реализации его личности. В его представлениях новообразованное учреждение должно стать очагом культурной революции.

Привилегии бойцовского клуба – это инновационные проявления идентичности современного мужчины, которые обнаруживаются вне доминирующих социально-культурных кодов. Клуб становится пространством для восстановления утраченной маскулинности. Рассказчик возлагает особые надежды на «Разгром», полагая, что именно этот проект «...спасет мир. Наступит ледниковый период для культуры. Искусственно вызванные темные века. „Проект Разгром“ вынудит человечество погрузиться в спячку и ограничить свои аппетиты на время, необходимое Земле для восстановления ресурсов» (Паланик, 2005. С. 120). Говоря о преобразованиях, направленных на революцию «мира», рассказчик задействует потенциал риторики, предвосхищающей трансформацию, которая призвана принести пользу всей планете.

Однако проект «Разгром» не создает прочную основу для новой, уникальной идентичности, поскольку воссоздает ту же властную структуру, которая спровоцировала исходный бунт. Объясняя иерархию проекта, рассказчик восклицает: «Каков будет следующий этап „Проекта Разгром“, не знает никто, кроме Тайлера» (Паланик, 2005. С. 120). Подчиняясь Тайлеру, его последователи, называемые «обезьянками-астронавтами», не приобретают новую идентичность, как это было обещано, происходит всего лишь передача под-

чинения от первоначальной структуры к власти Тайлеру. Рассказчик сводит работу «обезьянки-астронавта» к нажатию на рычаг. «Нажми на кнопку» – лейтмотив, лежащий в основе как реализации проекта, так и пассивности и незначительности, которые испытываются рассказчиком. Этот лейтмотив выявляет недостатки архитектоники проекта: его структура имитирует то, что члены клуба намереваются разрушить.

В ходе входления в рутинную деятельность контркультурного движения к рассказчику возвращается экзистенциальная тревога, связанная с отсутствием целостности личности и иррациональной идентификацией в социуме. Обнаружив, что члены клуба могут выработать терпимость к дракам, рассказчик начинает ощущать, что испытываемая им пассивность нуждается в искоренении. Но рассказчик/Тайлер вскоре приходят к заключению, что любая система, использующая ту же самую социальную иерархию, никогда не поможет им избавиться от перманентного тревожного состояния.

Рассказчик обожествляет Тайлера, делая его избавителем не только от себя, но и от окружающих индивидов. Чувствуя себя пойманным в ловушку своей нынешней идентичности, он умоляет Тайлера избавить его от совершенства. Рассказчик также проецирует образ своего отца на Тайлера: «От меня отец ушел, когда мне уже исполнилось шесть лет, но я все равно его не помню. У моего отца привычка заводить новую семью в новом городе каждые семь лет. Он, очевидно, считает, что семья – это что-то вроде сети фирменных ресторанов» (Паланик, 2005. С. 46). Между смысловым содержанием этих суждений и проекцией семейного франчайзинга отца на бойцовские клубы и проект «Разгром» формируется устойчивая ассоциативная связь. В результате Тайлер наделяется статусом отца и начинает олицетворять собой отцовство.

Тайлер переводит рассказчика во временный статус активности, однако правила его вмешательства в действительности предопределяют состояние перманентной пассивности рассказчика, который в подчинении социально предписанной маскулинности осуществляет поиск общения с женщиной, что в итоге приводит к выхолащиванию его личности, унижению и пассивности. Поскольку активность желательна для достижения оптимальной идентичности, пренебрежение женщиной становится отказом от пассивности. В конце романа рассказчик признается, что он не любит Марлу.

Образ Марлы тесно переплетается с кризисом идентичности рассказчика. Он связывает ее появление с проектированием в сознании образа Тайлера: «Я знаю даже, откуда взялся Тайлер. Тайлер любил Марлу. С первой нашей встречи часть меня влюбилась в Марлу, и эта-то часть и стала Дерденом» (Паланик, 2005. С. 187). Присутствие Марлы в группах поддержки поддерживает пассивность рассказчика. Ее приверженность нигилизму лишает ее реальных эмоциональных способностей, у нее отсутствуют моральные ценности: она

способна не только противостоять постоянным ругательствам рассказчика, но и без колебаний наносить ему ущерб равной величины. Рассказчик не может определиться, какую линию поведения ему следует избрать в отношении Марлы.

Несмотря на постоянные оскорблении в адрес Марлы рассказчик время от времени проявляет чувство романтической привязанности к ней. В тексте романа упоминается единственный случай сострадания к Марле, что, в свою очередь, указывает на противоречивое мнение рассказчика о ней. Несмотря на игнорирование ее попытки к самоубийству, когда рассказчик по ее просьбе проверяет тело Марлы на наличие опухолей, он ощущает страх перед онкологическим заболеванием, чувствует себя обязанным улучшить настроение героини: «Марла не смеется. Я хочу, чтобы она смеялась, чтобы у нее поднялось настроение» (Паланик, 2005. С. 101). В любовном треугольнике «Тайлер – Марла – рассказчик» доказывается теорема героини «ты всегда убиваешь того, кого любишь» (Паланик, 2005. С. 10). Признавшись в своих чувствах Тайлеру, рассказчик, в конце концов, пытается его убить. До этого предполагается, что Тайлер попытается убить Марлу. В покушении на убийство Тайлера рассказчик также пытается убить Марлу. Как только рассказчик понимает, что Тайлер – это средство исполнения его желаний, и «если Тайлер любит Марлу, я люблю Марлу», он признает, что у него развилась некоторая привязанность к Марле (Паланик, 2005. С. 195).

Рассказчик, однако, чаще проявляет к Марле вспоминая неуважение и ненависть, чем нежность. Он пытается настроить читательскую аудиторию против Марлы, называя ее безумной: «Марле нужен не любовник, а психиатр» (Паланик, 2005. С. 58). Поскольку она является еще одним случайным лицом в группах поддержки, ее присутствие также предопределяет пассивность рассказчика, осознание которой становится импульсом к его словесным тирадам в адрес Марлы. Фактически, эти оскорблении направляются не конкретно на Марлу, а на неприятие рассказчиком собственной пассивности и женственности. Чувствуя себя феминизированным в рамках доминирующей культуры, рассказчик отвергает Марлу: «Мне тридцать лет, но я по-прежнему мальчик. Чем тут может помочь другая женщина?» (Паланик, 2005. С. 47). Обнаружив, что отождествляет себя с Марлой, рассказчик вынужден оскорбить ее, чтобы отделить себя от того, что она собой представляет. Отдаляя ее от себя, он не может пробудить свою потребность в пассивности: присутствие Марлы мешает рассказчику проявить активность, что в итоге оправдывает тот факт, почему Тайлер стремится убить ее. Окончательный разрыв с Марлой наблюдается, когда рассказчик сажает ее в автобус, следующий в неизвестном направлении, уточняет причину, по которой он помогает ей: «Я говорю, потому что я думаю, что ты мне нравишься. Марла спрашивает: ‘Не любовь?’ Это достаточно дрянной момент, говорю я. Не настаивай» (Паланик, 2005.

С. 192). Обмен диалогическими репликами с Марлой выявляет неспособность рассказчика одновременно стремиться к активности и поддерживать свою пассивность. В основе попытки рассказчика избавиться от Тайлера также лежит стремление отказаться от потребности в Марле и пассивности.

Черты феминизации, приобретенные Бобом вследствие болезни, ставят его личность внутри бойцовского клуба в аналогичное противоречивое состояние: персонаж физически достигает андрогинного состояния в гендерной бинарности. Способность этого персонажа преодолевать потребность отождествлять себя с той или иной личностью непреднамеренно вводит борьбу рассказчика за идентичность в ранг банальной деятельности. Спорная ответственность рассказчика за его смерть отражает решение предпочесть бинарность существованию в состоянии перманентного противоречия. Летальный исход этого персонажа фиксирует болезненную попытку рассказчика избавиться от экзистенциального беспокойства по поводу того, что личность человека может быть противоречивой и, одновременно, целостной.

Подавление потребности рассказчика в Марле позволяет Бобу принять образ утешающей матери. Раз в неделю в церковном подвале Боб и рассказчик эмоционально сближаются, посещая группу поддержки для мужчин, борющихся со смертоносной болезнью или выживших после нее. Они утешают друг друга, когда психологически адоптируются к повседневности после хирургической операции, ухода из единственной сферы бинарной системы «активность – пассивность». Члены группы поддержки принимают свое неполноценное «Я», придерживаясь социально предопределенного феминизированного поведения: в эмоциональном плане через рыдания и объятия они компенсируют разочарование сложившейся жизненной ситуацией. Рассказчик не позволяет себе плакать в присутствии Марлы, однако он говорит о своих экзистенциальных тревогах, проливая слезы в огромную грудь Боба. Он страдает от чувства ущербности и тем самым зарабатывает достойное место в группе поддержки.

Образ Боба порождает два смысловых слоя в повествовании, каждый из которых фиксирует экзистенциальную тревожность рассказчика:

1) андрогинность персонажа, становящегося физическим воплощением страха ущербности;

2) гипермаскулинный образ персонажа, олицетворяющий квинтэссенцию мужчины, который растворился в прошлом.

Рассказчик передает читательской аудитории прежнюю гипермужественность персонажа: «Большой Боб поведал мне, что раньше он был качком. Сидел на анаболиках... Его еще скаковыми лошадям дают. Боб владел собственным залом, где собирались качки. Он был женат три раза. Он рекламировал продукты для качков по телевизору. Может, я видел, у него еще программа такая была: “Как увеличить грудную клетку?”» (Паланик, 2005. С. 17).

Физическая неполноценность Боба отражает тревоги рассказчика относительно собственной пассивности, является своего рода наказанием за то, что персонаж бросил вызов проекту «Разгром». В глазах рассказчика Боб никогда не сможет вернуть себе статус активного субъекта. Боб смиряется с выполнением одной-единственной утомительной задачи в клубе, ассимилируется с «обезьянками-астронавтами» и, следовательно, снова становится пассивным. Довольствуясь тем, кем стал, единственное, что идентифицирует Боба, – это старая фотография, на которой он запечатлен в момент занятий бодибилдингом. По его словам, прошлое было лучше, чем текущая жизнь. Тогда он действительно ощущал свою маскулинность. Андрогинность Боба является доказательством того, что человек может существовать в противоречии. Персонаж приукрашивает противоречивую идеологию клуба своим статусом лакея и идеализацией эгоцентризма.

Когда рассказчик нажимает на спусковой курок, он восстает против Тайлера как отца, доказывая, что все насилие, которому он подвергся, было тщетным. К нему приходит осознание того, что, отрицая Тайлера, он вовлекается в активную поведенческую стратегию. Рассказчик нарушает модель поведения, принятую в бойцовском клубе, утверждая, что лучше пытаться активно действовать, чем быть подавленным Тайлером и обреченным на пассивность. Для читателя не совсем ясно, какая из личностей рассказчика (если не обе) проявляются в заключительной главе романа, однако появляется уверенность, что рассказчик бросил вызов авторитету Тайлера, застрелившись сам.

Заключение

Кризис идентичности, который переживает рассказчик, является результатом действия социально запрещенных идеологий. Экзистенциальные тревоги становятся настолько обременительными для него, что он совершает серию самодеструктивных поступков, чтобы воссоздать себя, а именно он:

- 1) участвует в создании контркультурного движения, и в рамках этой социальной структуры принимает гипермаскулинную идентичность (и наслаждается временной властью над членами клуба);
- 2) развивает эмоциональную привязанность к отдельным членам клуба, усиливающую маскулинность контркультурного движения;
- 3) эксплуатируют взаимоотношения с персонажем-женщиной без каких-либо романтических намерений;
- 4) несет бремя ответственности за гибель персонажа, обладающего полноценной, но противоречивой идентичностью.

Рассказчик не достигает окончательного разрешения проблемы, связанной с раздробленной идентичностью своей личности. Роман заканчивается тем, что рассказчик проявляет активное поведение, пытаясь покончить с жизнью как своей, так и Тайлера. У читателя складывается впечатление, что постмодернистская культура обрекает человека на идентичность, которая одно-

значно отождествляется исключительно с одной сферой основополагающей гендерной бинарности «активность – пассивность», следствием чего оказываются экзистенциальные тревоги и деструктивная модель психологического поведения. Очевидной является идентификация личности с материальными ценностями (выступающая индикатором культурной идентичности). Одновременно рассказчик демонстрирует необходимость создания идентичности, которая опирается на то, что культурно запрещено.

Психоаналитические теории выявляют свою особую актуальность, поскольку формулируют опасность предпочтения только одного члена оппозиции в бинарной системе, чрезмерного насиждения культурно сконструированных гендерных ролей. Экзистенциальный кризис рассказчика и выбранные им модели поведения предстают прямым результатом взаимодействия между восприятием личностью своей фрагментированной идентичности и западной идеологией. Рассказчик примерил на себя гибридную идентичность. По мнению Ч. Паланика, для индивида, который идентифицирует себя с рассказчиком, принятие идентичности, охватывающей двойственность, никогда не может быть полной. Будучи продуктом укоренившейся социальной идеологии, этот индивид будет отступать всякий раз, когда гендерная иерархия будет находиться под угрозой. Другими словами, вера в то, что предпочтение отдается только одному члену бинарной системы, которая конструирует представления индивида о себе, аналогичным образом исключает трансценденцию в гибридизованное единство личности.

Список источников

Воронина О. А. Конструирование и де-конструкция гендера в современном гуманитарном знании / О. А. Воронина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 1. – С. 5–16. – DOI 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16. – EDN LEXKFM.

Ковтуненко И. В. Творческая рецепция концепции Ж. Бодрийяра в постмодернистской картине мира Ч. Паланика: симулякры, посредничество, исчезающая реальность / И. В. Ковтуненко, И. А. Кудряшов // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11. – № 6. – С. 241–254. – DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.14. – EDN EMXMS.

Лазарев В. А. Интерпретация романа Ч. Паланика «Бойцовский клуб» в терминах философии нигилизма Ф. Ницше / В. А. Лазарев, Т. Ю. Ларина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики

References

Voronina O. A. The construction and deconstruction of gender in modern humanitarian knowledge. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija = Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology.* 2019; 1: 5-16 (In Russ.).

Kovtunenko I. V., Kudryashov I. A. Creative reception of the concept of Zh. Baudrillard in the postmodern picture of the world of Ch. Palanik: simulacra, mediation, disappearing reality. *Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia.* 2022; 11; 6: 241-254 (In Russ.).

Lazarev V. A., Larina T. Y. Interpretation of C. Palahniuk's novel "Fight Club" in terms of Nietzsche's philosophy of nihilism. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki = Actual issues of philology and pedagogical linguistics.* 2022; 4: 193-203 (In Russ.).

Laskova M. V., Lazarev V. A., Ivchenko M. V. Gender asymmetry in linguistic embodiment.

стики. – 2022. – № 4. – С. 193–203. – DOI 10.29025/2079-6021-2022-4-193-203. – EDN ENHILT.

Ласкова М. В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М. В. Ласкова, В. А. Лазарев, М. В. Ивченко. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. – 112 с. – ISBN 978-5-9275-2152-4. – EDN XHISRB.

Маланов С. В. Психологические механизмы мышления человека: мышление в науке и учебной деятельности / С. В. Маланов. – Москва: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004 (ФГУП ИПФ Воронеж). – 480 с. ISBN 5-89502-447-5 (МПСИ).

Маланов С. В. От феноменологии мышления к теории формирования мыслительных операций и действий / С. В. Маланов // Актуальные проблемы психологического знания. – 2023. – № 1(62). – С. 33–45. – DOI 10.51944/20738544_2023_1_33. – EDN YCTMMG.

Паланик Ч. Бойцовский клуб. Удуше. Колыбельная: романы / Ч. Паланик. – Москва: АСТ, ВЗОИ, 2005. – 704 с. ISBN 5-9660-1461-2.

Фрейд З. Жуткое / З. Фрейд // Фрейд З. Художник и фантазирование. – Москва: Республика, 1995. – 396 с. – ISBN 5-250-02522-6.

Шафиков С. Г. Язык, мышление и язык мышления / С. Г. Шафиков // Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т. 24, № 4. – С. 947–952. – DOI 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.30. – EDN RISDFM.

On Freud's «the Uncanny» / ed. by C. Bronstein, Seulin Ch. L., NY.: Routledge, 2020. – 151 p.

Rostov-na-Donu: UFU = Rostov-on-Don: SFU, 2016: 112 p. (In Russ.).

Malanov S. V. Psychological mechanisms of human thinking: thinking in science and educational activities. *Moskva: Moskovskiy psihologo-social'nyy universitet; Voronezh: Izd-vo NPO "MODEK" = Moscow: Moscow psychological and social University; Voronezh: Publishing House of the Scientific and Production Association "MODEK".* 2004: 480 p. (In Russ.).

Malanov S. V. From the phenomenology of thinking to the theory of formation of mental operations and actions. *Aktual'nye problemy psichologicheskogo znaniya = Actual issues of psychological knowledge.* 2023; 1 (62): 33–45 (In Russ.).

Palahniuk Ch. Fight Club. Choke. Lullaby: novels. *Moskva: AST = Moscow: AST Publ.* 2005: 700 p. (In Russ.).

Freud Z. Uncanny. Freud Z. The artist and fantasy. *Moskva: Respublica = Moscow: Republic Publ.* 1995: 265–281 (In Russ.).

Shafikov S. G. Language, thinking and the language of thinking. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University.* 2019; 24; 4: 947–952 (In Russ.).

On Freud's «the Uncanny». Ed. by C. Bronstein, Seulin Ch. L., NY.: Routledge. 2020: 151 p.

Для цитирования: Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А., Бондаренко Ю. Б. Проблема многомерной идентичности личности в обществе эпохи постмодерна // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14. – № 1 (71). – С. 158–174. DOI 10.18522/2227-8656.2025.1.11
EDN IZJDHN

История статьи:

Поступила в редакцию – 12.12.2024

Одобрена после рецензирования –

16.01.2025

Принята после публикации – 17.01.2025

Сведения об авторах

Ковтуненко Инна Викторовна

Доктор филологических наук, профессор
Южного федерального университета
SPIN-код: 9889-7701
AuthorID РИНЦ: 671852
iv.kovtunenko@yandex.ru

Кудряшов Игорь Александрович

Доктор филологических наук, профессор
Южного федерального университета
SPIN-код: 8810-79-54
AuthorID РИНЦ: 186103
igalk@mail.ru

Бондаренко Юрий Борисович

Кандидат филологических наук, начальник
управления профессиональной ориентации
и поддержки талантливой молодежи
Донского государственного технического
университета
SPIN-код: 3721-4372
AuthorID РИНЦ: 1239778
whitemachine@mail.ru

Information about authors

Inna V. Kovtunenko

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57202188059
iv.kovtunenko@yandex.ru

Igor A. Kudryashov

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Southern Federal University
Scopus AuthorID: 57214118052
igalk@mail.ru

Yuriy B. Bondarenko

Candidate of Philological Sciences, Head
of the Department of Career Guidance
and Support for Talented Youth at the Don
State Technical University
whitemachine@mail.ru

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.